

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1955

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ 1955

СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

Термин «филология» применялся еще древнегреческими авторами, у которых он обычно означал «стремление к усвоению всех знаний своего времени». Значение это в эпоху Возрождения в Италии сужается и начинает прилагаться ко всякого рода деятельности, связанной с изучением римских и греческих древностей. Понятно, что изучение античного мира покоилось прежде всего на исследовании сохранившихся письменных памятников, будь то литературные произведения, научные труды, деловые документы или различного рода надписи. Изучение всего этого наследия, зачастую дошедшего до ученых эпохи Возрождения уже в сильно поврежденном виде, требовало установления правильного чтения любого из этих памятников и затем точного, верно передающего все оттенки оригинала научного перевода с комментированием всех так называемых реалий, т. е. упоминаемых в тексте, имен собственных, забытых или изменившихся географических названий, названий предметов быта, архитектурных сооружений и т. п. Понятно, что осуществление такого рода работы требовало совершенного знания языка оригинала, следовательно, разработки грамматических пособий и словарей, а также хорошего знакомства с литературой эпохи и стилистическими особенностями, характерными для того или иного времени, того или иного района. Затем необходимо было, конечно, знание истории, истории материальной культуры и многого другого.

Не приходится поэтому удивляться, что к XIX в. под филологией начали уже понимать изучение совокупности культуры какого-либо народа, осуществляемое, однако, на базе изучения его языка и литературы. Рядом с этим расширенным пониманием термина продолжало существовать и более узкое—критическая обработка текстов, то, что теперь склонны выделять в качестве особой дисциплины под названием «текстология».

С расширением круга изучаемых языков и культур, наряду с филологией античной, вплоть до XVIII в. занимавшей в европейской науке господствующее место, начинают появляться и другие ее отрасли: филология индийская, иранская, арабская, китайская, японская и другие. Каков был взгляд на состав этой дисциплины в конце XIX в., хорошо показывает план известной книги «Руководство по иранской филологии»¹.

¹ «Grundriss der iranischen Philologie, herausgegeben von W. Geiger und E. Kuhn», Strassburg, 1895—1901.

Первый том этого солидного свода составляют сжатые научные грамматки всех известных тогда языков иранской семьи, начиная с гипотетических арийского и праиранского и кончая живыми диалектами и говорами современного Ирана. Второй том содержит статьи: об Авесте, о древнеперсидских надписях, о среднеперсидской литературе, географии Ирана, по истории Ирана от древнейших времен до падения Сасанидов и другие.

Из этого перечня видно, что составители понимали филологию именно как совокупность вопросов культуры, освещаемых преимущественно при помощи изучения языков и литератур.

В наши дни под филологией часто понимают лишь язык и литературу, изучение же старых текстов, т. е. первоначально главный объект филологии, иногда вообще не учитывается. Насколько можно понять, основной мотив такого пренебрежения — недостаточная «актуальность» древних письменных памятников. До сих пор не изжито еще мнение, что подлинное знание современных языков и литератур может быть достигнуто без серьезного изучения истории языков и литературного наследия. Думаю, что здесь еще немалую роль играет и насаждавшееся последователями «нового учения о языке» враждебное отношение к старой письменности.

Попробуем разобраться в этих вопросах более внимательно. Действительно, можно ли считать, что знаешь тот или иной язык, если умеешь только говорить и читать на нем? Возьмем к примеру более знакомую мне область, персидскую прессу. При всем сравнительно не очень высоком литературном качестве предлагаемого персидской газетой материала там на каждом шагу встречаются цитаты из наиболее популярных авторов — Хафиза, Саади, Джелаладдина Руми. Знакомый с их произведениями читатель сейчас же вспомнит, в каком контексте стоит в оригинале та или иная строка, и ему станет понятно, почему данная цитата приведена именно в этом месте. Незнание же цитируемых авторов часто влечет за собой совершенно превратное понимание отдельных абзацев, а иногда и всей статьи в целом. Далее, трудно себе представить газетную или журнальную персидскую статью, в которой не встречалось бы ни одной арабской цитаты — пословицы, изречения, просто коранического стиха.

Следовательно, читателю надо знать и классическую персидскую, и классическую арабскую литературу (последнюю, правда, в меньшем объеме). Необходимо не только узнать цитату, но и уметь определить, насколько точно она приведена. Искажения цитат могут быть случайными, по малограмотности пишущего, но могут быть и намеренными. Иногда искаженная цитата используется как прием, придающий данной мысли особую ироническую остроту. Только уловив это, можно правильно разгадать замысел автора. Отсюда следует, что читатель должен знать также, какой текст классических произведений считается каноническим, общепринятым в данное время, и в какой мере он отвечает оригиналу. Если же, как это часто бывает, печатного издания данного текста еще не существует, то нужно знать, какая и где хранящаяся рукопись этого текста дает наиболее аутентичный текст.

Опыт прошлого показал, что изучение литературного произведения без учета точности его передачи, его подлинности, возможности определить время его написания дает весьма прискорбные результаты.

Особенно это касается Ближнего Востока, где большое число важнейших памятников до сих пор не издавалось ни разу и существует лишь в виде рукописей, иногда весьма трудно доступных. Но даже и то, что издавалось в конце XIX начале XX в. в настоящее время требует сугубо критического отношения, так как по ряду причин многие вопросы

в то время решить не удавалось. Некритическое отношение к изучаемому тексту может жестоко за себя отомстить. Вспомним первые шаги западноевропейской науки по изучению творчества Омара Хайяма².

Аналогичная история произошла и с изучением другого популярнейшего поэта, великого лирика Хафиза. О его стихах тоже было написано немало, о них говорили даже такие титаны европейской литературы, как Гёте. Именем Хафиза, правда, не спекулировали, клубов его имени не открывали, роз с его могилы никуда не возили. В 1854—1856 гг. немецкий ученый Г. Брокгауз выпустил в свет в Лейпциге трехтомное критическое издание дивана Хафиза, причем к тексту он приложил ученый комментарий Сурури на первые восемьдесят газелей. Об этом издании писали много. Было принято говорить, что оно впервые дает востоковедам образец такой же основательной критики текста, какую мы находим в многочисленных ученых изданиях античных авторов. Если и возникали сомнения, то лишь в одном отношении: следует ли принимать анакреонтику Хафиза за чистую монету или, следуя восточным комментаторам, толковать его вино как «мистический экстаз», тем более, что в диване было немало газелей, никак не допускавших иного толкования. В 1927 г. в Тегеране была найдена рукопись Хафиза, переписанная через 35 лет после его смерти. Молодой ученый Абдуррахим Хальхали взялся за ее издание, и, понятно, прежде всего сравнил ее с изданием Брокгауза. Обнаружилось, что в этой рукописи газелей намного меньше, чем у Брокгауза. Тогда Хальхали решил проверить, не найдется ли в других диванах этих «лишних» газелей, и вскоре установил, что в изданиях Брокгауза, кроме газелей самого Хафиза, были приведены произведения по меньшей мере десяти других авторов, частью значительно более позднего периода. Следовательно, и тут противоречия объясняются путаницей в текстах.

Эти два примера убедительно показывают, что изучать литературы народов Ближнего и Среднего Востока без соответствующей филологической подготовки и обработки невозможно.

Примерно то же можно сказать и об истории. Для средневековой истории Турции, Ирана, арабских стран основным источником служат многочисленные исторические хроники. Кое-что из этих хроник существует в более или менее критических изданиях, но значительная часть пока доступна или в виде литографий или в рукописях, хранящихся в различных государственных и частных библиотеках. До сих пор нередки случаи, когда ученые, изучая какой-либо отрезок истории того или иного народа, используют в качестве источника имеющуюся у них под руками рукопись. Однако такие рукописи далеко не равноценны. Не говоря уже о многочисленных искажениях, вносимых в течение веков в текст переписчиками, чрезвычайно жестоко обращавшимися с такими данными, как собственные имена, географические названия, даты, в поздних рукописях обычно можно найти еще и множество интерполяций, иногда искажающих приводимые автором хроники факты.

Следовательно, и здесь прежде всего нужно найти наиболее надежную рукопись, а это опять-таки невозможно без предварительной работы филолога.

История различных восточных языков до сих пор существует лишь в очень общих чертах. Так, для персидского языка обычно дается деление на периоды: древнеперсидский, среднеперсидский и новоперсидский.

² См. Е. Э. Бертельс. Шах-наме и критика текста. «Советское востоковедение», 1955, № 1, стр. 89.

Против такого деления, конечно, возразить ничего нельзя. Однако надо заметить, что так называемый новоперсидский язык существует с VIII—IX вв. до наших дней. Многие известные иранисты считали возможным утверждать, что на протяжении этих двенадцати веков персидский язык особо заметных изменений не претерпел и что язык, например, Фирдоуси мало чем отличается от теперешнего литературного языка. Конечно, даже чисто умозрительно поверить в такое изумительное постоянство языка не легко.

И в этом случае востоковедов конца прошлого века подвел материал. Изучая персидскую литературу по сравнительно новым рукописям или по покойшимся на таких рукописях изданиям, можно действительно придти к выводу, что язык авторов X—XI вв. от языка XX в. отличается мало. Такое впечатление складывается потому, что переписчики лишь в исключительных случаях добросовестно передавали копируемый текст, обычно же считали себя не столько копиястами, сколько редакторами, на обязанности которых лежало устранение всех недостатков переписываемого текста. К недостаткам они причисляли устаревшие, непонятные для них слова, не правившиеся им метрические особенности и вялые, по их мнению, рифмы. Все это немилосердно «исправлялось», причем переписчик старался сделать строку «осмысленной», то есть, иначе говоря, придать ей тот смысл, который ему самому хотелось. Только в сравнительно недавнее время в результате углубленной работы над текстами и тщательного отбора рукописей как на Востоке, так и на Западе выяснилась техника этих «хранителей старины». Когда тексты X—XI вв. предстают перед нами в своей подлинной форме, становится ясно, что язык их весьма далек от современного литературного языка.

Чтобы нарисовать картину изменений персидского литературного языка, которые привели к теперешнему его состоянию, нужны прежде всего монографические исследования языка отдельных авторов ряда столетий. Однако создать такие монографии можно лишь на базе критических текстов, которые могут подготовить только филологи. Покойный иранский поэт М. Бехар в своей «Сэбкшенасп» (Стилистика) проделал огромную работу, показывающую отдельные стороны языковых изменений, но понятно, что это пока только наброски, предварительная разведка, и что выполнить такую громадную работу в нужном объеме не под силу одному человеку.

В очень многих областях «западоведения» четкое разделение истории, литературоведения и языкознания вполне осуществимо. Языковед уже может пользоваться образцовыми изданиями древних и средневековых текстов, литературовед получает критические издания изучаемых им писателей, историк располагает изданиями хроник, летописей, мемуаров, переписки, деловых документов, архивных материалов. Востоковед же ближневосточник пока не имеет почти ничего и потому не может обойтись без филологии. Таким образом, диапазон знаний, необходимых настоящему филологу, очень велик. Для филологической работы недостаточно знать только одну высшую форму этого языка. Филолог должен быть знаком с изучаемым языком в его историческом развитии, он должен иметь достаточно четкое представление об изменениях, которые претерпевал словарный запас данного языка на протяжении его истории. Это означает, что в литературных памятниках нового времени он должен уметь отличать стандартные, шаблонные обороты от архаизмов, неологизмов, варваризмов, что, в свою очередь, требует от него знания и тех языков, которые так или иначе были связаны с изучаемым языком и могли дать материал для лексических заимствований. Иногда соседний, лучше сохранившийся язык может

оказать неоценимую помощь при изучении сравнительно хуже сохранившегося и менее изученного языка. Так, например, доступный в большом числе памятников древнеармянский язык дает чрезвычайно много для выяснения деталей менее изученного языка среднеперсидского.

Мы уже говорили, что переписчики старых рукописей нередко заменяли устаревшие, им уже непонятные слова словами, в их время широко применявшимися, и, таким образом, зачастую совершенно искажали переписываемый оригинал. Ученый, незнакомый с историей того языка, памятники которого он изучает, не сможет заметить таких «поправок» и будет в простоте душевной анализировать не творение мастера слова, а «произведение» профессионального каллиграфа.

При подготовке критического издания поэм Низами старейшие рукописи (XIV в.) сплошь и рядом давали явную, казалось, бессмыслицу, новые же рукописи (XV и XVI вв.) предлагали вполне удобопонятный текст. Длительная работа над текстами показала, что текст XIV в. в подавляющем большинстве случаев и был верным и оригинальным текстом, а непонятен он был текстологам лишь в силу недостаточного знакомства с языком поэта и недостаточного знания реалий эпохи. Видимо, переписчики XV в. были примерно в том же положении, как и издатели XX в., с той только разницей, что старые переписчики без всякого пиетета искажали и делали «понятным» трудный язык Низами, а издатели XX в. бились над текстом до тех пор, пока не выяснили точного значения старого правильного текста³.

Далее, филолог должен обладать глубоким знакомством с письменностью. Во многих классических литературах (арабской, китайской) смысл художественного произведения иногда раскрывается лишь после того, как удастся установить наличие в нем цитат или намеков на цитаты из более ранних авторов. Филологи — китаисты и японоведы располагают многочисленными прекрасными справочниками, составленными старыми китайскими учеными и позволяющими легко установить наличие цитаты и ее происхождение. Для Ближнего и Среднего Востока пока таких справочников нет, и ученому приходится или полагаться на свою память и читать возможно большее число старых памятников, или самому составлять необходимое пособие в виде картотеки.

Надо отметить и еще один принципиально существенный вопрос — вопрос о влиянии в литературах. Влиянию одно время склонны были придавать слишком большое значение, в результате чего творчество многих авторов в руках исследователя иногда распадалось на ряд влияний, как сложенный из кубиков домик. Об ошибочности такой «методики» говорили не раз. Но это указание было воспринято как требование полного отрицания возможности какого бы то ни было влияния. Вопросы этого в последнее время старались не касаться, всячески его обходили. Однако отрицать наличие тем, переходящих от народа к народу, можно лишь не считаясь с реальным положением вещей. Учитывать влияния безусловно необходимо, но, конечно, не нужно думать, что этот ключик может открыть любой замок и что в этом весь смысл научной работы. Интересен не самый факт заимствования, а причины его и в особенности те изменения, которые заимствованный материал претерпел на новой почве.

Наконец, совершенно очевидно, что анализ старого текста не может быть достаточно точным, если не определить времени его написания и не знать, каковы были исторические судьбы создавшего этот памятник

³ См. Ф. Бабасс. Работа над текстами Низами. «Известия АН СССР», Отд. литературы и языка, 1941, № 2, стр. 85.

народа в то время, когда было написано само произведение и когда была переписана используемая исследователем рукопись.

Слабое знание истории приводит также во многих случаях к тому, что исследователь, не будучи знаком с характером мировоззрения отдаленной эпохи, начинает вносить в ее характеристику черты современности, приписывает старым авторам взгляды и мысли, которых они не только не имели, но и не могли иметь. В результате стремление к реализму выливается в совершенно обратное явление — создается некая абстракция, в истории реального соответствия не имевшая.

Время переписки обычно устанавливается по так называемому колофону, т. е. сделанной в конце рукописи переписчиком приписке, указывающей дату окончания переписки. Но колофона может и не быть, последний лист рукописи может быть оторван. В таких случаях определение даты производится путем палеографического изучения: изучают почерк, манеру письма, бумагу, переплет и т. д. Для арабской письменности существуют специальные палеографические пособия, дающие фототипические воспроизведения страниц точно датированных рукописей. Для других языков пока таких остро необходимых пособий почти нет, как не имеется в распоряжении востоковеда и достаточно удобных пособий по описанию различных сортов бумаги и способов ее изготовления на Востоке в различные исторические эпохи. Не нужно забывать, что колофон, на который чаще всего опираются при определении возраста рукописи, может быть просто переписанным с колофона оригинальной рукописи или умышленно подделанным с целью увеличения продажной цены рукописи. В таких случаях только изучение при помощи палеографических данных может помочь установить подлинный возраст рукописи.

Филолог, занимающийся изучением рукописного наследия, должен иметь ясное представление обо всех известных мировых коллекциях рукописей, должен знать их печатные каталоги, их систему, степень достоверности сообщаемых этими каталогами данных, примерный состав каждой такой коллекции. Это необходимо, так как при работе над каждым старым литературным произведением нужно прежде всего выяснить, насколько надежен имеющийся в распоряжении исследователя рукописный материал, нет ли где-нибудь рукописей более древних, более близких по времени к написанию самого изучаемого произведения. Обнаружить нужную рукопись можно лишь при условии достаточного знакомства с мировым рукописным фондом. В прежние времена розыски нужной рукописи где-нибудь в далекой зарубежной стране требовали от исследователя дорогостоящих далеких путешествий. Теперь, когда почти всюду можно получить дешевый микрофильм, возможности широкого использования рукописей чуть ли не всего мира чрезвычайно возросли.

Впрочем, отсюда еще не следует, что филологу-востоковеду не нужно теперь бывать в стране, язык, литературу и историю которой он изучает. В процессе подготовки работника-востоковеда командировка в изучаемую страну должна быть признана совершенно необходимой, поскольку надежно овладеть языком можно лишь в соответствующей языковой среде. Не меньшее значение для исследователя имеет непосредственное знакомство с бытом, нравами и обычаями населения, географией изучаемой страны.

Таким образом, нам кажется, мы достаточно убедительно показали, что такой важный аспект филологии, как изучение старых текстов, отнюдь не потерял своей актуальности.

Однако, при всей несомненной важности филологической работы над востоковедными источниками, до сих пор в этом вопросе наблюдается известное отставание. Это прежде всего относится к публикации критических текстов. К сожалению, еще приходится сталкиваться с точкой

зрения, что публиковать тексты классических творений восточной литературы и науки не всегда актуально и нужно. Оправдать такую позицию никак невозможно. Русское востоковедение XIX в. в значительной степени потому и заняло ведущее положение в мировой науке, что давало в большом числе исключительно ценные, не имевшие себе равных и до сих пор не утратившие своего значения публикации текстов.

Едва ли следует считать неактуальной и ненужной работу по подготовке критического издания всех поэм Низами и части поэм Навои. Не нужно забывать, что постановление правительства об издании полного собрания сочинений Навои так и не осуществлено, ибо выпуск в свет нескольких небрежно подготовленных текстов, мало чем отличающихся от старых литографий (в которых, кстати сказать, было меньше опечаток), считать академическим изданием нельзя.

Правда, на пути к осуществлению таких мероприятий имеется еще одно большое препятствие — отсутствие типографской базы. Ленинградская типография Академии наук СССР, еще до недавнего времени имевшая возможность издавать тексты почти на любом восточном языке, в настоящее время устарела и не может дать нужную стране продукцию. Разумеется, создание такой базы совершенно необходимо.

Нужно проявить больше заботы и о подготовке соответствующих исследовательских кадров. Подготовка кадров высококвалифицированных филологов через аспирантуру лишь в сравнительно редких случаях дает ожидаемые результаты, так как трех лет для аспирантов, специализирующихся по восточной филологии, явно недостаточно.

Поэтому для соответствующей подготовки кадров необходимо изменить программу восточных отделений университетов и других учебных заведений, продумав систему введения ряда дополнительных курсов, которые обеспечивали бы выпуск квалифицированных филологов, владеющих техникой текстологической работы. В частности, следует ввести преподавание таких дисциплин, как палеография, эпиграфика и дипломатика. Разумеется, такое изменение учебной программы не должно повлечь за собой сокращения часов, отведенных на занятия живыми современными языками и литературой, которые попрежнему остаются основным объектом изучения. Наоборот, целью всех этих мероприятий должна быть подготовка высококвалифицированных специалистов-филологов, прекрасно знающих современность.

Наши замечания о некотором отставании филологической работы не надо рассматривать как проявление какого-то пессимизма в данном вопросе.

Советский Союз обладает огромнейшими рукописными коллекциями, собранными рядом поколений востоковедов. Достаточно назвать такие рукописные хранилища, как коллекции Института востоковедения АН СССР, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щадрина в Ленинграде, коллекции Ленинградского университета, огромную ценнейшую коллекцию Института востоковедения АН Узбекской ССР в Ташкенте, небольшую, но интересную коллекцию в Баку, такую же в Сталинабаде, ряд ценных книг и литографий в Алма-Ате.

У нас имеются все условия для развития филологических исследований, для углубленной и плодотворной работы над восточными источниками. У нас есть молодые способные кадры не только в центрах, но и почти во всех республиках, так что при их помощи и там можно вырастить прекрасную смену.

Ведется и значительная филологическая работа. Достаточно сказать, что в данное время мы имеем подготовленными к изданию законченный

еще в 1940 г. и находящийся в настоящее время в наборе образцовый критический текст третьего тома «Джами'ат-таварих» (Собрание летописей) Рашидаддина, «Тарих-и Газани» (История Газан-хана); критический текст остальных четырех поэм Низами (кроме опубликованного в 1947 г. текста «Искендер-наме»); хорошо подготовленные тексты поэм Навои «Лейли ва Меджнун» (Лейли и Меджнун), «Хайрат ал-абрар» (Смятение праведных) и «Саб'ан саййар» (Семь планет), весьма любопытную критическую обработку «Гулистана» Саади, текст которого хоть и был напечатан много раз, но до сих пор научно не издан; прекрасно подготовленный текст исключительной важности и интереса — мемуары поэта XIV в. Васифи «Бадаи ал-вакан» (Удивительные события); текст первого тома «Шах-наме», впервые подготовленный с привлечением старейших источников; замечательный уникальный текст трактата XI в. «Китаб-е руки-е мо'амслят» (Книга об основах взаимоотношений), показывающий четко и ясно мировоззрение горожанина того времени и отражающий его резко оппозиционное настроение по отношению к феодальной аристократии.

Ближайшей задачей, стоящей перед советскими филологами, является расширение такого рода работы, подготовка и издание новых образцовых критических текстов восточных памятников.

Пора покончить с мнением, что текстологическая работа перестала быть актуальной. Советские филологи, исследующие языковые, исторические и литературные памятники, должны помнить, что такая работа не означает устремления в прошлое, что она имеет важнейшее значение для изучения живых языков, новейшей литературы и истории зарубежного и советского Востока.

